

Дырхеева Г. А. Бурятский язык в полиэтничной Бурятии : функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации / Г. А. Дырхеева, Д. Д. Бадараев, Э. В. Хилханова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 116—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135.

Dyrkheeva, G. A., Badaraev, D. D., Khilkhanova, E. V. (2022). Buryat Language in Multi-Ethnic Buryatia: Functional Distribution, Language Competence, Motivations. *Nauchnyi dialog*, 11(5): 116-135. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135

Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации

Дырхеева Галина Александровна¹
orcid.org/0000-0003-3477-6280
доктор филологических наук
an5dag1@mail.ru

Бадараев Дамдин Доржиевич¹
orcid.org/0000-0001-8173-7175
кандидат социологических наук, доцент
damdin80@mail.ru

Хилханова Эржен Владимировна²
orcid.org/0000-0001-9369-343X
доктор филологических наук, доцент
erzhen133@mail.ru

¹ Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

² Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
государственного задания, проект
«Россия и Внутренняя Азия: динамика
геополитического, социально-
экономического и межкультурного
взаимодействия (XVII—XXI вв.)»,
№ 121031000243-5

Buryat Language in Multi-Ethnic Buryatia: Functional Distribution, Language Competence, Motivations

Galina A. Dyrkheeva¹
orcid.org/0000-0003-3477-6280
Doctor of Philology, Chief Researcher
an5dag1@mail.ru

Damdin D. Badaraev¹
orcid.org/0000-0001-8173-7175
PhD in Sociology, Associate Professor
damdin80@mail.ru

Erzhen V. Khilkhanova²
orcid.org/0000-0001-9369-343X
Doctor of Philology, Associate Professor
erzhen133@mail.ru

¹ The Institute for Mongolian, Buddhist and
Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

² Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out within the framework of
the state task, the project
“Russia and Inner Asia: the dynamics
of geopolitical, socio-economic and
intercultural interaction (XVII—XXI centuries)”,
№ 121031000243-5

© Дырхеева Г. А., Бадараев Д. Д., Хилханова Э. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен анализ некоторых результатов социолингвистического обследования, проведенного в 2020 году в Республике Бурятия. Особенностью данного обследования является обширная выборка (1289 респондентов бурятской и русской национальности) и широкий охват проблем функционирования бурятского языка. Сравнительный анализ с результатами прошлых обследований показал, что продолжается падение уровня владения родным языком бурятами и степень его использования в различных сферах общения. Выявлено позитивное и толерантное отношение к изучению бурятского языка со стороны русского населения при одновременно низкой оценке его «необходимости» как русскими, так и бурятами. Установлена причинно-следственная связь между обязательным преподаванием бурятского языка в школах и увеличением количества людей, читающих и пишущих по-бурятски. Выявлено, что при выборе языка изучения территориальная мотивация является основной для русских, для бурят — мотивация этнической идентичности. При этом этноидентификационный фактор в последнее время теряет свою значимость, что проявляется в высоком уровне двойной (этно)языковой идентификации и уменьшении количества бурят, считающих бурятский язык родным.

Ключевые слова:

бурятский язык; функциональная дистрибуция бурятского и русского языков; языковая компетенция; родной язык; Республика Бурятия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The analysis of some of the results of a sociolinguistic survey conducted in 2020 in the Republic of Buryatia is presented in the article. A feature of this survey is a large sample (1289 respondents of Buryat and Russian nationality) and a wide coverage of the problems of the functioning of the Buryat language. A comparative analysis with the results of previous surveys showed that the level of proficiency in the native language of the Buryats and the degree of its use in various areas of communication continues to decline. A positive and tolerant attitude to the study of the Buryat language on the part of the Russian population was revealed, while at the same time a low assessment of its “necessity” by both Russians and Buryats. A causal relationship has been established between the compulsory teaching of the Buryat language in schools and an increase in the number of people who read and write in Buryat. It was revealed that when choosing a language of study, territorial motivation is the main one for Russians, for Buryats it is the motivation of ethnic identity. At the same time, the ethno-identification factor has recently lost its significance, which is manifested in a high level of dual (ethno) linguistic identification and a decrease in the number of Buryats who consider the Buryat language to be their native language.

Key words:

Buryat language; functional distribution of the Buryat and Russian languages; language competence; attitude towards languages; native language; Republic of Buryatia.

Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации

© Дырхеева Г. А., Бадараев Д. Д., Хилханова Э. В., 2022

1. Введение = Introduction

Бурятский язык регулярно становится объектом социолингвистического и социологического изучения. Вследствие этого динамика его функционирования, степени владения языком в корреляции с постоянными переменными (возраст, образование и т. д.) являются достаточно хорошо изученными. В целом констатируется ухудшение положения с бурятским языком, снижение уровня владения им, см., например: [Сундуева, 2005; Трегубова, 2016; Дырхеева, 2017; Бурятский язык ..., 2020; Хилханов и др., 2021]. Проведенные исследования показывают, что в последние десятилетия предпринимаются значительные усилия для сохранения и развития бурятского языка, но, несмотря на это, российские буряты, где бы они ни проживали, лучше владеют русским языком, чем родным. Развитие бурятского языка в русскоязычном окружении определяется разнонаправленными тенденциями: усиливается действие интерференции под влиянием русского языка, продолжается процесс стихийной нормализации, усилиями СМИ и национальной школы делаются попытки преодоления смешения бурятских и русских литературных языковых норм. Обычно бурятский компонент бурятско-русского двуязычия у бурят представляет собой диалект или говор, но в случае, если носитель языка обучался в школе родному языку, в его речи наблюдается явление диглоссии, перемежаются литературная и диалектная формы бурятского языка, а также элементы русского. В целом же бурятский язык всё больше уступает место русскому, причём даже в просторечье, в быту.

Несмотря на значительное количество исследований в этой области, гораздо меньше внимания уделяется оценкам, отношению к языкам и мотивациям, лежащим в основе языкового поведения жителей Республики Бурятия, а также сопредельных регионов, где проживают буряты. При этом именно эти, «привязанные к говорящему» факторы представляют особенный интерес в свете активизации деятельности «обычных» людей, bottom-up инициатив в деле сохранения миноритарных языков по всему миру, включая и Россию. Сегодня в социолингвистике в целом (и тем более — в лингвистической антропологии) центр научных интересов смещается от изучения функционирования структур и институтов к анализу

поведенческих стратегий на микроуровне — ценностных ориентаций и мотиваций деятельности отдельных людей и малых групп (семья, община, землячество, корпорация и т. д.); см., например: [Иванова, 2021; Языковое сознание ..., 2016].

Применительно к бурятскому языку, безусловно, есть работы, которые делают акцент на субъективных факторах. При этом используется широкий спектр методов: ассоциативный эксперимент [Дырхеева, 2020] (хоть работа и написана в лингвокультурологическом, а не социолингвистическом ключе, изучение языкового сознания билингвов может пролить свет на функционирование бурятского языка в условиях двуязычия), фрейм-анализ [Пильчинова, 2015], методика (техника) вербальных масок — *verbal guise technique* [Языковое сознание ..., 2016], анализ языкового ландшафта как материализации мнений и языковых практик жителей и владельцев бизнеса в Улан-Удэ [Иванов, 2021], традиционные социологические методы [Будаева, 2015]; см. об этом также в [Степанова, 2016].

Целью данной статьи является комплексный (триангуляционный) анализ объективных и субъективных параметров, характеризующих языковую ситуацию в Республике Бурятия в конце первой четверти XX века, в сравнении с данными по предыдущим годам, начиная с 1989 года. В качестве объективных параметров исследуется функциональная дистрибуция бурятского и русского языков и языковая компетенция жителей Бурятии в отношении владения бурятским языком в синхронном и диахронном аспекте, в качестве субъективных — их мотивации и отношение к языкам.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования стали результаты анкетного опроса, проведенного социологической группой Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН) в 2020 году в рамках Государственной программы «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2014—2020 гг.». Опрос был проведен в конце 2020 года в г. Улан-Удэ и сельских районах республики. Наша статья представляет собой первую публикацию по результатам данного обследования, целью которого было выявление положения бурятского языка в полиэтничном пространстве Республики Бурятия с позиций его востребованности в условиях глобализирующегося общества.

Объем выборочной совокупности при опросе составил 1289 человек. Из них 43,99 % мужчины, 55,62 % женщины. Возраст респондентов: 18—35 лет — 36,38 %, 36—59 лет — 42,44 %, старше 60 лет — 20,71 %. С точки зрения национальности 37,16 % составили буряты, 58,73 % — русские, 3,8 % — представители других национальностей. По уровню образования

участники исследования распределились следующим образом: 33,59 % имели общее среднее образование, 35,07 % — среднее профессиональное, 30,02 % — высшее, специалитет, 0,93 % имели ученую степень. Были опрошены представители разных социальных групп, сфер деятельности, проживающие в г. Улан-Удэ (56,86 %) и пяти сельских районах: Тарбагатайском (7,76 %), Кабанском (7,45 %), Кижингинском (8,22 %), Закаменском (8,22 %) и Иволгинском (8,22 %).

В данном масштабном обследовании применяется интегрированный подход к изучению состояния бурятского языка в условиях языковой неоднородности с анализом следующих её компонентов:

1. Функциональный статус бурятского языка — функциональная дистрибуция бурятско-русского двуязычия в регламентируемых и нерегламентируемых сферах: семейном общении (с детьми, родителями, со старшими родственниками); образовании; общественных местах; на работе; в массовой коммуникации и межличностном общении (бытовом, внутрисемейном, дружеском).

2. Языковая компетенция (уровень владения бурятским языком) бурят и русских в комплексе детерминирующих ее факторов и актуальных тенденций развития российского многоязычия. Под детерминирующими факторами имеется в виду характер национально-языковых отношений в современной России, тип языковой политики, защита языков России, включая бурятский язык, правовыми актами.

3. Этноязыковая идентичность и ее связь с функциональным статусом и уровнем владения этническим языком. Анализируются особенности речевого поведения (выбор родного языка; выбор языка обучения, выбор языка в массмедиа, мотивация изучения языков невладеющими). Учитывается психолингвистический фактор, выражающийся в языковых оценках и ориентациях личности, проявляющийся, в частности, в языковых ассоциациях. Выявляются мнения жителей Бурятии, их оценка эффективности государственных, образовательных, научных, религиозных, общественных организаций, СМИ в деятельности по развитию бурятского языка.

Ограниченные форматом статьи, мы остановимся на некоторых результатах вышеописанного полевого исследования, а именно, как уже было сказано во введении, на функционировании бурятского и русского языков, языковой компетенции жителей Республики Бурятия, на их оценках и мнениях по отношению к разным языковым вопросам — языковому образованию, выбору языка обучения и т. д. Тем самым используемый подход можно обозначить как триангуляционный в широком понимании термина *триангуляция*. Согласно Ó Хифеарнайну, триангуляция может включать опрос, (включенное) этнографическое наблюдение и критический анализ

как декларируемой, так и фактической языковой политики отдельных лиц, групп носителей языка, (языковых) активистов, учебных заведений и властей [Ó hIfearnáin, 2018, с. 151—152].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Функциональная дистрибуция бурятского и русского языков

В современной социалингвистике наиболее значимым считается функциональный подход, который учитывает прежде всего объем и характер социальных функций, выполняемых тем или иным языком. Функциональный статус языка является доминирующим признаком понятия «языковая ситуация» [Аврунин, 1975, с. 51]. Как известно, существует прямая зависимость между количеством социальных функций языка, активностью употребления его в различных сферах и его жизнеспособностью.

К сожалению, функциональный статус бурятского языка все более понижается, сокращается количество сфер его активного применения. В целом для республики характерна несбалансированная социально-коммуникативная система с набором языков, неравнозначных в функциональном отношении: от полнофункционального русского языка до языков, которые используются только в быту. Объем общественных функций, выполняемых бурятским языком, незначителен, сфер социально-культурной жизни, в которых бурятский язык употребляется достаточно интенсивно, немного, информационное обслуживание на бурятском языке ничтожно мало, социальная база литературного бурятского языка постепенно сокращается.

Так, судя по результатам проведенного опроса, в целом по республике самой высокочастотной сферой использования бурятского языка является сфера общения со старшим поколением. Для сравнения: если с бабушками и дедушками постоянно общаются 21,02 % опрошенных, с родителями — примерно столько же (20,71 %), с родственниками — 16,76 %, то с детьми — только 10,32 %, а иногда 9,54 %. Пока семейно-бытовая сфера остается основной сферой поддержки бурятского языка, так как на работе (5,12 % — постоянно, 8,15 % — иногда и 11,17 % — редко) и в общественных местах (4,19 % — постоянно, 11,25 % — иногда, 15,21 % — редко) он почти не используется, особенно если учесть, что доля бурят среди опрошенных составляет 37,16 %.

Оплотом дальнейшего существования и развития бурятского языка являются сельские районы республики, в которых относительно компактно проживают носители языка. Среди таковых опросом были охвачены Кижингинский (родным признали бурятский язык 55,66 % опрошенных), Закаменский (бурятский язык родной у 41,51 % респондентов) и Иволгинский районы (соответственно 30,19 %). В такой же последовательности можно

распределить и активность использования бурятского языка опрошенных респондентов: кижингинцы чаще всех общаются на родном языке дома (постоянно с родителями — 53,77 %, с бабушками / дедушками — 48,11 %, родственниками — 50 %, с детьми — 39,62 %), на работе (29,25 %) и в общественных местах (25,47 %). Закаменцы, соответственно, постоянно используют бурятский язык с родителями — 41,51 % (практически это все, кто признал родным бурятский язык), с бабушками / дедушками 39,62 %, родственниками — 33,02 %, детьми — 26,42 %, на работе — 10,38 %, а в общественных местах только 3 (2,83 %) человека активно говорят на родном языке в общественных местах.

Подобная ситуация характерна и для большинства регионов России. Как отмечает Н. И. Иванова, «установки сельских саха, как представителей моноэтничного гомогенного социума, отличаются от установок городских саха большим стремлением к двуязычности, что продиктовано стремлением к урбанизации, вследствие тяжелых социально-экономических условий жизни на селе и интегративными интенциями в городском пространстве» [Иванова, 2021, с. 241].

Интересно, что эта тенденция — значительные различия между употреблением бурятского языка дома и в общественных местах — сохраняется уже длительное время: при опросе 1989 года [Дырхеева и др., 1999, с. 31] в г. Закаменске среди бурят она составляла около 60 %. В пригородном Иволгинском районе 41,51 % респондентов используют бурятский язык при взаимодействии с родителями, с бабушками и дедушками — 33,02 %, с родственниками — 20,75 %, с детьми — 8,4 %. Небольшой процент участников опроса (7,55 %) используют его на работе и еще меньше (2,83 %) — в общественных местах. Можно отметить, что в пригороде наблюдается самый низкий показатель общения с детьми на родном языке среди опрошенных сельских районов, что, скорее всего, как и при прошлых социолингвистических опросах, объясняется тем, что в пригородах авторитет языка города влияет на выбор речевого поведения.

В формировании двуязычной языковой личности образовательный уровень носителей языка имеет большое значение. Обычно фактор образованности в условиях российской языковой неоднородности способствует снижению языковой компетенции носителей малых языков, поэтому необходимо подробнее рассмотреть их корреляцию на социолингвистическом материале.

Однако, судя по результатам опроса, оказалось (табл. 1), что почти во всех рассматриваемых сферах среднее, средне-специальное, высшее образования не дают существенных расхождений в использовании бурятского языка. Возможно, на показатели речевого поведения информантов с родителями, бабушкой / дедушкой и детьми оказывают влияние значения от-

Таблица 1

Использование бурятского языка в зависимости от образования

Ситуация использования	Среднее		Среднее профессиональное		Высшее	
	Постоянно	Иногда	Постоянно	Иногда	Постоянно	Иногда
На работе	5,31	6,00	5,53	8,19	4,65	10,34
Дома с родителями	21,71	8,55	19,91	7,08	21,19	8,01
С детьми	12,7	8,55	10,4	9,51	8,01	10,85
С родственниками	17,78	11,55	16,59	9,96	16,54	11,37
С бабушками / дедушками	21,02	7,39	20,8	5,31	21,45	6,2
В общественных местах	3,7	9,93	4,65	11,06	4,39	12,92

рицательных ответов: отсутствие родителей у более старшего поколения, отсутствие детей у молодых. Кроме того, можно предположить (и это было отмечено ранее [Дырхеева и др., 1999, с. 71—72]), что социальный параметр образования более значим в отношении применения русского языка.

Данные таблицы представляют интерес в плане сравнения колонок «постоянно» и «иногда»: в большинстве семейно-бытовых ситуаций (с родителями, родственниками, бабушкой / дедушкой) данные в колонке «постоянно» превышают показатели колонки «иногда», которую можно интерпретировать как двуязычную ситуацию. В общении же с детьми наблюдаются небольшие отклонения: респонденты с высшим образованием предпочитают общаться с детьми на двух языках, так же, как и в случае «на работе» и «в общественных местах», где независимо от образования двуязычная ситуация встречается чаще, чем одноязычная бурятская.

Для выявления динамики изменения функционального статуса бурятского языка носителями бурятского языка можно провести сравнение (табл. 2) с результатами социолингвистического обследования, проведенного в 1989 году [Дырхеева и др., 1999].

Необходимо отметить, что при опросе 2020 года в анкету не был включен вопрос о степени владения и использовании в различных сферах русского языка. Кроме того, оценка использования бурятского языка проводилась по иным параметрам, которые в таблице приведены в соответствии с опросом 1989 года: «в основном на бурятском» = «постоянно» при опросе 2020 года, «на обоих языках» = «иногда». В 1989 году в анкете

Республика Бурятия, 1989 и 2020 гг.:
использование бурятского и русского языка бурятами
в различных ситуациях (%)

Ситуация использования	В основном на бурятском		В основном на русском		На обоих языках	
	1989	2020	1989	2020	1989	2020
На работе	18,9	11,69	62,4	-	17,1	17,54
Дома с родителями	60,6	53,03	17,9	-	8,9	17,75
С детьми	33,7	25,47	31,1	-	11,4	21,71
С родственниками	60,1	42,17	20,5	-	15,0	25,68
В общественных местах	9,2	9,39	66,7	-	17,1	23,38
С бабушками / дедушками		53,24		7,52	-	13,99
При чтении	4,8		76,6	-	11,3	-
При прослушивании радио / просмотре телепередач	16,1		83,8	-	18,7	-
При переписке	15,9		65,3	-	6,9	-

отсутствовал вопрос об использовании бурятского языка с бабушками / дедушками. А в 2020 году, соответственно, не были включены вопросы об использовании языка при чтении, переписке, прослушивании радио / просмотре телепередач.

Сравнительный анализ данных из таблиц 1 и 2 свидетельствует о том, что большинство показателей использования преимущественно бурятского языка в разных коммуникативных сферах (а именно на работе, в общении с родителями, детьми, родственниками) уменьшились. Можно предположить, что так же обстоит дело и с его использованием при чтении, переписке и восприятии информации в СМИ. Исключение составляют сферы «в общественных местах» (9,2 % и 9,39 % по показателю «в основном на бурятском») и «на работе», где бурятский язык почти стабильно используется параллельно с русским (17,1 % и 17,54 %). В то же время увеличились почти все показатели паритетного использования обоих языков в обследуемых сферах.

3.2. Степень владения бурятским языком (языковая компетенция)

Языковая компетенция является одним из основных компонентов объективной языковой ситуации, соответствующий термин используется для обозначения языковых навыков говорящего, способности воспринимать и

производить грамматически правильные высказывания; см. также: [Словарь ..., 2006].

В нашем исследовании для определения уровня владения языком анализировались стандартные виды языковой компетенции: понимание, говорение, чтение, письмо. Для оценки уровня владения бурятским языком использовалась пятибалльная система как наиболее удобная для респондентов тем, что она ассоциируется со школьной системой оценок: «очень хорошо», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо», незнание языка отмечалось маркером «не владею».

По результатам опроса среди бурят, родным признали бурятский язык 57,62 %, русский — 12,94 %, оба языка — 29,02 %. Последний показатель говорит об очень высокой двойной (этно)языковой идентификации. Сравним эти данные с данными Всесоюзной переписи 1989 года, когда 89,4 % бурят указали бурятский язык в качестве родного, 10,56 % указали русский язык, о свободном владении русским языком в качестве второго заявили 73,6 % [Национальный состав ..., 1990]. Разница налицо: количество указавших (только) бурятский как родной уменьшилось на 31,78 % за 31 год, то есть, условно говоря, убывало по 1 % в год. Таким образом, за постсоветский период связка «язык — этничность» постепенно разрывается не только в академическом дискурсе, но и в обыденном сознании, которое, по-видимому, отражает таким образом самооценку бурятами их языковой компетенции.

Среди русских почти все (93 %) признали родным русский язык, 1,32 % (10 человек) — бурятский, 4,49 % (34 человека) — оба языка. При этом 16 человек (2,11 %) ответили, что хорошо владеют бурятским языком. Почти 6 % «очень хорошо» и «хорошо» понимают, почти 3 % — говорят по-бурятски. Если посмотреть динамику, то в 1989 году (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года) лишь 0,3 % русских, проживавших в Бурятской АССР, владели бурятским языком [Государственный комитет СССР по статистике, 1990]. (Следует отметить, что неофициальные сведения сильно отличаются от данных переписи: согласно сведениям, опубликованным в газете «Правда Бурятии», в том же 1989 году в сельской местности около 40 % русскоязычного населения в той или иной степени владели бурятским языком, а в городе доля носителей русско-бурятского двуязычия составляла 27 % [Проблема ..., 1998]). По данным первой Всероссийской переписи 2002 года, доля владеющих бурятским языком среди русского населения Республики Бурятия увеличилась более чем вдвое, но всё равно осталась незначительной — 0,7 % [Всероссийская перепись ..., 2002].

Очевидно, что степень владения языком соответствует степени активности его использования. Как уже отмечено выше, самые высокие показатели использования бурятского языка выявляются в сельских районах

Бурятии. Соответствует им и уровень языковой компетенции кижингинцев, закаменцев и иволгинцев (табл. 3). Данные в таблице представлены по оценке «очень хорошо». Показатели по Тарбагатайскому и Кабанскому районам незначительные, максимальными являются значения по 6,25 % (6 человек) у кабанцев, которые «очень хорошо» и «плохо» понимают по-бурятски. В районах г. Улан-Удэ (Октябрьский, Железнодорожный и Советский) показатели использования бурятского языка распределились относительно равномерно.

Таблица 3

Степень владения бурятским языком по районам Бурятии

	Кижинг. район	Закамен. район	Иволгин. район	Октябр. район	Железнодорож. район	Советский район
Понимаю	43,4	29,25	21,7	13,39	13,3	12,75
Говорю	36,79	26,42	20,75	9,29	11,93	9,4
Читаю	26,42	19,81	12,26	7,1	7,34	6,71
Пишу	22,64	14,15	8,49	4,37	6,42	6,71

Результаты опроса также подтвердили, что образовательный уровень, как и в случае использования бурятского языка в различных коммуникативных сферах, существенно не влияет на языковую компетенцию. В среднем уровень «очень хорошего» и «хорошего» понимания бурятского языка в Бурятии составляет около 30 %, говорения — 24 %, чтения — около 20 %, письма — более 17 % у респондентов со средним образованием и около 16 % — со средним специальным и высшим образованием.

В таблице 4 приведены результаты опросов 1989 и 2020 годов, которые позволяют сравнить языковую компетенцию бурят в общении на родном языке, условно говоря, в конце первой четверти XXI века и в последней четверти XX века.

Если судить по данным таблицы, по сравнению с показателями 1989 года увеличились цифры удовлетворительного и плохого владения, а также количество не владеющих коммуникативными компетенциями, необходимыми для общения на бурятском языке, — «понимаю» и «говорю». Оценка «очень хорошо» и «хорошо» понимающих родной язык среди бурят в сумме, соответственно, оказалась ниже: 81,9 % по форме «понимаю» в 1989 году и 68,39 % в 2020 году; по форме «говорю» — 72 % в 1989 году и 60,33 % в 2020 году. Примечательно, что виден определенный эффект от восстановления преподавания бурятского языка в школе: незначительно увеличился процент «очень хорошо» и «хорошо» читающих по-бурятски

Таблица 4

Республика Бурятия, 1989 и 2020 гг.:
 формы и степень владения бурятами родным и русским языками (%)

Форма	Уровень	Степень владения бурятским языком					Степень владения русским языком				
		Очень хорошо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Не владеют	Очень хорошо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Не владеют
Понимают	1989, n = 2710										
	РБ	39,9	42,0	11,	3,2	1,5	42,1	51,1	4,0	0,4	-
	2020, n = 479										
Говорят	1989										
	РБ	31,2	40,8	14,9	6,5	4,6	29,9	57,8	9,7	0,6	-
	2020										
Читают	1989										
	РБ	21,9	25,3	15,0	14,8	20,6	35,2	56,8	5,3	0,3	-
	2020										
Пишут	1989										
	РБ	19,8	22,4	12,6	14,6	28,1	31,5	57,9	7,6	0,5	-
	2020										
	РБ	17,54	27,71	21,09	14,82	20,46				-	-

и значительно — более чем на 5 % — читающих по-бурятски «удовлетворительно». Более чем на 8 % уменьшилось количество респондентов, не умеющих писать на родном языке.

В связи с этим можно отметить, что почти половина всех опрошенных (47,63 %) изучала бурятский язык в школе, хотя положительно оценили повышение уровня его знания около 32 % респондентов.

3.3. Мотивации и отношение к языкам

Вопрос о том, как изучать мнения людей и языковые установки, требует отдельного теоретико-методологического комментария. Отсылая читателя к работе, где об этом говорится более подробно [Языковое созна-

ние ..., 2016], скажем кратко, что для социолингвистики методологически важным является разграничение между такими схожими понятиями, как «установки» и «мнения». К. Бейкер определяет мнение как нескрываемое убеждение без аффективной реакции. В отличие от него, установки содержат аффективную реакцию. Во-вторых, мнения вербализуемы, в то время как установки являются скрытыми и проявляются как вербальным, так и невербальным способом. В-третьих, опросы общественного мнения и опросы по выявлению установок — это разные вещи. Опросы общественного мнения направлены скорее на локализацию предпочтений или желаний группы или сообщества. Они представляют индикаторы точек зрения / мнений населения. Опросы по выявлению установок сосредоточиваются больше на связи установок с другими переменными в попытках понять человеческие действия [Baker, 1992, p. 14]. Чувства, эмоции также можно выявить посредством прямого опроса, хотя косвенные методы тут подходят больше (подробнее об этом см. в: [Языковое сознание ..., 2016]).

В нашем исследовании изучаются в первую очередь мнения, поэтому метод опроса является адекватным целям исследования. Только два вопроса из 63 запрашивают ассоциации опрошиваемых с бурятским и русским языками. Эти вопросы апеллируют как к метаязыковому сознанию респондентов, так и к неосознаваемым языковым установкам. Однако отношение к языку присутствует и в объяснении причин изучения (бурятского) языка, и тем более — в оценке эффективности обучения бурятскому языку, которые и будут рассматриваться в данном разделе.

Как известно, становление языковой личности в условиях языковой неоднородности, ее языковые ориентации и установки, речевое поведение во многом определяются характером дистрибуции языков в образовании и воспитании личности, местом родного языка в системе коммуникативных навыков и умений человека. Доминирующими сферами языковой социализации детей-билингвов признаются прежде всего двуязычное семейное общение и обязательное включение компонента родного языка в систему образования.

Осознанный выбор родителями или законными представителями языка обучения и воспитания детей состоит из множества факторов и в целом расценивается как выражение этнической идентичности самих родителей и их намерения к воспроизводству языка. В ходе проведенного опроса была сделана попытка выявить значимость для жителей республики системы языкового образования, включая преподавание бурятского языка.

Выше мы уже говорили о том, что 47,63 % опрошенных изучали бурятский язык в школе. Среди бурят это процент составил 71,4 %, а среди русских — 35,01 %. Положительно оценили эффективность обучения 53,02 % бурят и 20,48 % русских (ответы «определенно лучше стал знать язык» и

«немного лучше стал знать»). Интересно, что дополнительно его изучают 11,9 % (57 человек) бурят и 6,21 % (47 человек) русских.

На вопрос «Почему Вы изучаете / изучали бурятский язык?» большинство бурят ответили, что изучали / изучают бурятский язык, потому что он родной (56,58 %), его преподавали в школе (32,36 %), респондент живет в Бурятии (30,48 %), язык помогает в общении с друзьями, родственниками (18,37 %), «хочу слушать и петь песни на бурятском языке» (13,36 %) и т. д. Довольно ожидаемыми являются ответы русских респондентов, большинство из которых изучали бурятский язык, так как его преподавали в школе (25,36 %), 10,83 % — потому что они живут в Бурятии, 3,83 % — поскольку он помогает в общении с друзьями, родственниками. При этом на вопрос «Если Вы не изучаете бурятский язык, то почему?» 29,33 % русских ответили, что это не их родной язык, у 26,95 % нет времени для его изучения, 23,12 % ответили, что он им не пригодится в жизни, для 20,08 % бурятский язык неинтересен и т. д. Для бурят основными причинами являются следующие: они и так его знают (48,23 %), у них нет времени для его изучения (17,75 %), испытывают трудности при изучении языков (11,9 %), для 7,93 % опрошенных не хватает материалов, книг и пособий для его изучения.

Что касается выбора языка обучения, то более 50 % бурят считают обязательным преподавание бурятского языка для всех детей в детских садах и школах. Большинство русских респондентов (около 40 %) считают, что обучение должно проводиться для всех, но только по желанию. Согласно с обязательным преподаванием бурятского языка в школе / садике для всех детей независимо от национальности 18,76 / 22,06 % русских респондентов, только для детей бурятской национальности — 16,38 / 22,19 %.

Жизнь в цифровую эпоху несет высокие риски для этнокультурного развития детей в национальных регионах. Эти риски связаны с новыми инновационными технологиями (гаджеты, мобильные телефоны), усилением влияния русскоязычных СМИ, что в целом способствует формированию не билингвизма, а (русского) монолингвизма. О том, насколько сильны этноохранительные чувства бурят в этих условиях, в некоторой степени можно судить по данным психолингвистического блока исследования 2020 года. Ассоциаты на стимул «бурятский язык» и «русский язык» были получены при ответах на следующие вопросы:

Какими словами Вы охарактеризовали бы бурятский язык?

Какими словами Вы охарактеризовали бы русский язык?

Варианты ответов по обоим языкам: сложный, родной, богатый, древний, красивый, непонятный, чужой, интересный, необходимый.

Психолингвистический эксперимент позволил установить отношение респондентов к русскому и бурятскому языкам, выявить их наиболее ак-

туальные характеристики в сознании респондентов. В целом по корпусу для подавляющего большинства опрошенных (86,6 % русских и 80,17 % бурят) русский и бурятский языки, соответственно, являются в первую очередь «родными». Это отражает высокую ценность этнических языков для респондентов, их отношение к данным языкам как к достоянию своей национальной культуры.

Далее по порядку: бурятский язык для бурят «красивый» (56,37 %), «интересный» (50,1 %), «богатый» (43,63 %), «сложный» (41,34 %), он «необходимый» (41,54 %) и «древний» (30,9 %), но «непонятный» (22,76 %), и для небольшой группы «чужой» (6,68 %). Русские респонденты оценили бурятский язык следующим образом: «непонятный» (59,31 %), «сложный» (58,12 %), «чужой» (40,55 %), но в то же время «интересный» (28,8 %), «древний» (21,27 %), «красивый» (16,12 %) и «богатый» (11,49 %). Лишь 8,32 % отметили его «необходимость».

Отношение к русскому языку, соответственно, выглядит следующим образом: для бурят так же, как и для русских, он, в первую очередь, «необходимый» (67,01 % и 62,75 %), он «богатый» (58,46 %), «интересный» (36,95 %), «красивый» (36,53 %), «древний» (31,52 %), и для большей части опрошенных уже «родной» (30,48 %). Негативные реакции «сложный» (23,59 %), «чужой» (15,24 %), «непонятный» (7,1 %) оказались в конце списка.

Очевидно, что оба языка имеют преобладающую положительную характеристику, причем значительную долю составляют эстетические характеристики. Однако в первую очередь язык здесь выступает как этноидентифицирующий маркер, а на втором месте стоит его прагматическая, утилитарная характеристика. Значительное число реакций со значением «трудный» (непонятный, сложный) в определенной степени объясняется системными проблемами в их освоении. Как отмечает Н. Б. Вахтин, чем реже используется язык, тем труднее его осваивать [Вахтин, 2001, с. 234].

4. Заключение = Conclusions

Представленный в статье анализ данных, полученных в ходе масштабного социолингвистического обследования 2020 года, показал, что реальная языковая ситуация в Республике Бурятия остается не очень благоприятной для настоящего и будущего бурятского языка. Сейчас бурятский язык превалирует только в семейно-бытовой сфере, в первую очередь при общении с родителями — ситуация, типичная для миноритарных языков. Этот паттерн языкового поведения характеризуется устойчивостью, не допускает варьирования в зависимости от образования. Именно старшее поколение выступает в качестве хранителей национальных традиций и национального языка. В плане различий «город — село» также наблюдается из-

вестная социолингвистическая закономерность: село выступает основным локусом бытования бурятского языка, причем чем ближе село к городу, тем сильнее языковой сдвиг в сторону русского языка.

Сужение остальных сфер функционирования бурятского языка ведет к тому, что все меньше становится стимулов для овладения им как для самих бурят, так и для русских, несмотря на относительно благожелательное отношение последних к изучению бурятского языка. Это проявляется, в частности, в том, что всё реже среди русского населения встречаются противники внедрения бурятского языка как предмета обучения в городских школах и детских садах. Это изменение отношения к бурятскому языку можно охарактеризовать как сдвиг в сознании русского населения республики. Вместе с тем бурятско-русское и русско-бурятское двуязычие у русских по-прежнему представлено редко, оно отличает в основном лиц, живущих в сельской местности, в окружении одноязычных носителей бурятского языка.

Обобщая, можно сказать, что развитие бурятского языка в русскоязычном окружении определяется разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, исследование показало в целом позитивное и толерантное отношение к языкам в Бурятии. Положительным моментом в языковой ситуации в республике последних десятилетий является то, что языковой вопрос стал привлекать все больше внимания государственных и общественных органов, распространилось понимание того, что проблема существует и её надо решать. Налицо психологический сдвиг в сознании людей, как бурят, так и русских. С другой стороны, несмотря на это, бурятский язык все больше уступает место русскому языку даже в просторечье, в быту, хотя в сельских районах Бурятии он все еще сохраняет свои позиции.

С точки зрения языковой компетенции увеличивается количество людей, слабо владеющих естественными формами общения на бурятском языке — понимание и говорение. Однако при этом стало немного больше людей, читающих и пишущих по-бурятски, что является результатом краткого периода преподавания бурятского языка в школе как обязательного предмета (с начала 1990-х годов до 2015 года). Это говорит о важности системы образования для сохранения миноритарных языков. Однако сейчас, когда решение о преподавании титульных языков в школах отдано на откуп родителям и школьной администрации, только мотивация идентичности и некоторое осознание своего проживания на территории Бурятии пока еще сохраняют бурятский язык в школах. При этом территориальная мотивация является основной для русских, для бурят — мотивация этнической идентичности.

На этноидентификационной мотивации как факторе поддержки бурятского языка следует остановиться особо. С одной стороны, связка «язык — этничность» остается достаточно сильной для бурят, с другой стороны, в послед-

ние годы происходит её ослабление, которое проявляется и в высоком уровне двойной (этно)языковой идентификации, и в последовательном уменьшении (по 1 % в год с 1989 года) количества людей, которые считают бурятский язык родным. Это можно считать продолжением начавшейся в советский период (этно)языковой ассимиляции. В более широком контексте можно констатировать, что представления о неразрывной связи языка и этничности, о которых многие исследователи говорили как характерных для россиян [Стефаненко, 1999; Krist et al., 2022], постепенно ослабляются. Полагаем, что это неизбежное следствие глобализации. С точки зрения перспектив бурятского и других миноритарных языков оно, однако, является неблагоприятным, лишая их основной мотивации для знания / изучения данных языков.

К этому глобализационно-обусловленному тренду добавляются прагматичные мотивации, выражающиеся в оценках перспективности языков с точки зрения того, «пригодятся ли они в жизни». Ассоциаты, полученные в психолингвистическом блоке исследования 2020 года, показали, что как буряты, так и русские отметили «необходимость» русского языка и лишь немногие — «необходимость» бурятского языка, несмотря на положительные эстетические качества обоих языков. В совокупности такие оценки и мнения складываются, как говорил В. М. Алпатов, в отсутствие социальной мотивации для изучения миноритарных языков («...развитие образования на национальных языках сдерживается отсутствием мотивации») [Алпатов, 2010, с. 2].

Источники и принятые сокращения

1. *Всероссийская перепись населения 2002 года* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения 23.04.2022).
2. *Население СССР* : По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Государственный комитет СССР по статистике, Информ.-изд. центр. — Москва : Финансы и статистика, 1990. — 44 с.
3. *Национальный состав населения РСФСР* : по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Государственный комитет РСФСР по статистике (Госкомстат РСФСР). — Москва : Республиканский информационно-издательский центр, 1990. — 747 с.
4. *Проблема двуязычия в свете общественного мнения* // Правда Бурятии : газета. — 1998. — 27 мая.

Литература

1. *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка : (К вопросу о предмете социолингвистики) / В. А. Аврорин ; АН СССР, Ин-т языкознания. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд., 1975. — 276 с.
2. *Алпатов В. М.* Двадцать лет спустя / В. М. Алпатов // Язык и общество в современной России и других странах : международная конференция (Москва, 21—24 июня 2010 г.) : доклады и сообщения / отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко. — Москва, 2010. — С. 1—5.

3. Будаева Д. Ц. Оценка жителями Улан-Удэ современной языковой ситуации / Д. Ц. Будаева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 14—1. — С. 167—172.
4. *Бурятский язык* в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития : монография / отв. ред. Д. Д. Бадараев. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2020.
5. Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига / Н. Б. Вахтин. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. — 338 с.
6. Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента) : монография / Г. А. Дырхеева ; отв. ред. Б. Д. Цыренов ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2020. — 237 с.
7. Дырхеева Г. А. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект) : коллективная монография / Г. А. Дырхеева, Б. Ж. Будаев, Т. П. Бажеева. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1999. — 143 с.
8. Иванов В. В. Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ / В. В. Иванов // Социолингвистика. — 2021. — № 1 (5). — С. 147—163. — DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163.
9. Иванова Н. И. Языковая ситуация в Республике (Саха) Якутия : якутский язык в условиях языковой неоднородности (этносоциопсихолингвистический аспект) : диссертация ... доктора филологических наук / Н. И. Иванова. — Якутск, 2021. — 375 с.
10. Пильчинова М. М. Фрейм-анализ как способ представления видения индивидами языковой ситуации: на примере Республики Бурятия / М. М. Пильчинова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2015. — Т. 11, № 3. — С. 329—335.
11. *Словарь социолингвистических терминов* / отв. ред. В. Ю. Михальченко. — Москва : Институт языкознания РАН, 2006. — 312 с.
12. Степанова А. А. Этническая идентичность и языковое сознание носителей бурятского языка : социо- и психолингвистические исследования / А. А. Степанова // Вопросы психолингвистики. — 2016. — № 30. — С. 206—215.
13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. — Москва : Институт психологии РАН, Академический проект, 1999. — 320 с.
14. Сундуева Д. Б. Бурятско-русское двуязычие в Агинском Бурятском автономном округе: социолингвистический аспект : монография / Д. Б. Сундуева. — Чита : Читинский гос. ун-т, 2005. — 182 с.
15. Трегубова Д. Д. Бурятский язык в глобальной языковой системе / Д. Д. Трегубова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. — 2016. — Т. 9, № 4 (26). — С. 75—82.
16. Хилханов Д. Л. Феномен культурной дистанции в современных условиях (языковые и религиозные факторы) / Д. Л. Хилханов, Э. В. Хилханова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Философские науки. — 2021. — № 3 (39). — С. 55—65. — DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.
17. *Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных регионов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края)* / Э. В. Хилханова, Г. А. Дырхеева, Л. М. Любимова, Д. Б. Сундуева. — Москва : Наука-Восточная литература, 2016. — 174 с.

18. Baker C. Attitudes and language / C. Baker. — Clevedon : Multilingual Matters, 1992. — 173 p.

19. *Father Baikal and his Cosmopolitans: Buryats in Europe* / S. Krist (ed.). — Wien : Praesens Verlag, 2022. — 218 p. — ISBN 978-3-7069-0599-2.

20. *Ó hlfearnáin T. The Ideological Construction of Boundaries Between Speakers, and Their Varieties* / T. Ó hlfearnáin // *New Speakers of Minority Languages : Linguistic Ideologies and Practices* / C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2018. — P. 151—164.

Material resources

All-Russian population census of 2002. (2002). Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>. (accessed 23.04.2022). (In Russ.).

Population of the USSR: According to the All-Union Population Census of 1989. (1990). Moscow: Finansy i statistika. 44 p. (In Russ.).

The national composition of the population of the RSFSR: according to the All-Union Census of 1989. (1990). Moscow: Respublikanskiy informatsionno-izdatelskiy tsentr. 747 p. (In Russ.).

The problem of bilingualism in the light of public opinion. (1998). *Pravda Buryatii: newspaper*, 27 may. (In Russ.).

References

Alpatov, V. M. (2010). After twenty years. In: *Language and society in present-day Russia and other countries: International conference (Moscow, June 21—24, 2010): Reports and communications*. Moscow. 1—5. (In Russ.).

Avrorin, V. A. (1975). *Problems of studying the functional side of the language: (On the subject of sociolinguistics)*. Leningrad: Nauka, Leningr. otd. 276 p. (In Russ.).

Badaraev, D. D. (ed.). (2020). *The Buryat language in the regions of Russia, Mongolia and China: state, problems, factors of preservation and development: monograph*. Ulan-Ude: Publishing House of Buryat State University. (In Russ.).

Baker, C. (1992). *Attitudes and language*. Clevedon: Multilingual Matters. 173 p.

Budaeva, D. Ts. (2015). Assessment of the current language situation by the residents of Ulan-Ude. *Bulletin of the Buryat State University*, 14—1: 167—172. (In Russ.).

Dyrkheeva, G. A. (2020). *The Buryat language in the context of bilingualism: features of the transformation of linguistic consciousness (according to the results of an associative experiment): monograph*. Ulan-Ude: Publishing House of BNC SB of the Russian Academy of Sciences. 237 p. (In Russ.).

Dyrkheeva, G. A., Budaev, B. Zh., Bazheeva, T. P. (1999). *Buryat language: modern state (social-linguistic aspect): monograph*. Ulan-Ude: BNC SB of the Russian Academy of Sciences. 143 p. (In Russ.).

Ivanov, V. V. (2021). Buryat language in the language landscape and language practices in the city of Ulan-Ude. *Sociolinguistics*, 1 (5): 147—163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163. (In Russ.).

Ivanova, N. I. (2021). *The language situation in the Republic (Sakha) of Yakutia: the Yakut language in the context of linguistic heterogeneity (ethnosociopsycholinguistic aspect): Doct. Diss.* Yakutsk. 375 p. (In Russ.).

Khilkhanov, D. L., Khilkhanova, E. V. (2021). The phenomenon of cultural distance in modern conditions (Linguistic and religious factors). *MCU Journal of philosophical sciences*, 3 (39): 55—65. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06. (In Russ.).

- Khilkhanova, E. V., Dyrkheeva, G. A., Lyubimova, L. M., Sundueva, D. B. (2016). *Linguistic Consciousness and Linguistic Attitudes of the Residents of the Border Regions of the East of Russia (on the example of the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory)*. Moscow: Nauka-Vostochnaya literatura. 174 p. (In Russ.).
- Krist, S. (ed.). (2022). *Father Baikal and his Cosmopolitans: Buryats in Europe*. Wien: Praesens Verlag. 218 p. ISBN 978-3-7069-0599-2.
- Mikhailchenko, V. Yu. (ed.). (2006). *Dictionary of sociolinguistic terms*. Moscow: Institute of Linguistics RAS. 312 p. (In Russ.).
- Ó hlfearnáin, T. (2018). The Ideological Construction of Boundaries Between Speakers, and Their Varieties. In: C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó Murchadha (eds.). *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. Basingstoke: Palgrave MacMillan. 151—164.
- Pilchinova, M. M. (2015). Frame analysis as a way of presenting the individual's vision of the language situation: on the example of the Republic of Buryatia. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research*. 11 (3): 329—335. (In Russ.).
- Stefanenko, T. G. (1999). *Ethnopsychology*. Moscow: Institute of Psychology RAS, Akademicheskii proekt. 320 p. (In Russ.).
- Stepanova, A. A. (2016). Ethnic identity and language consciousness of Buryats: sociolinguistic and psycholinguistic studies. *Journal of psycholinguistics*, 30: 206—215. (In Russ.).
- Sundueva, D. B. (2005). *Buryat-Russian bilingualism in the Aginsky Buryat Autonomous Okrug: sociolinguistic aspect: monograph*. Chita: Chita State University. 182 p. (In Russ.).
- Tregubova, D. D. (2016). Buryat language in the global language system. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research RAS*, 9; 4 (26): 75—82. (In Russ.).
- Vakhtin, N. B. (2001). *Languages of the peoples of the North in the 20th century. Language shift essays*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 338 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.03.2022,
одобрена после рецензирования 30.05.2022,
подготовлена к публикации 10.06.2022.